

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОБСКУРАНТИЗМ: ПИСАТЕЛЬ НА ГРАНИЦЕ СВЕТА И ТЬМЫ*

И. С. Хугаев

Если еще совсем недавно гуманитарии были озабочены всего лишь негативными издержками глобализации — демонтажем иерархий и систем традиционных этнических культур (в особенности малых народов), то сегодня перед миром встает небывалая доселе угроза прямо экзистенциального содержания — деморализации и дегуманизации человечества и воцарения постгуманистического гуманоида: понятие сколько оксюморонное, столько же реальное. Здесь предлагается рассуждение о метафизическом и эсхатологическом содержании и смысле литературного процесса (включая литературную критику и академическое литературоведение) и роли филолога и писателя в современной идейной борьбе.

Ключевые слова: просвещение, обскурантизм, писатель, литература, литературная критика, идейная борьба, идеальное общество, добро и зло, правда и ложь, польза и красота.

Quite recently the humanitarians were disquieted by negative effects of globalization, dismantling hierarchies and systems of traditional ethnic cultures (of the small peoples in particular), but today the world is facing an unprecedented threat of the existential contents — demoralization and dehumanization of humankind and reigning of post-humanistic humanoid: this is both an oxymoron and a real notion. The article is a discourse on metaphysical and eschatological content and meaning of the literary process (including literary criticism and academic literary studies) and role of philologist and writer in the present fight of ideas.

Keywords: enlightenment, obscurantism, writer, literature, literary criticism, fight of ideas, ideal society, good and evil, truth and lie, profit and beauty.

Преамбула

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! В Осетии год литературы и год Нафи одновременно, а тут еще и всемирный день писателя: поводов для такого собрания более чем достаточно.

Очевидно, однако, что мы собрались не только для того, чтобы поздравить друг друга, но и для того, чтобы спросить друг друга о делах, самочувствии и настроении, тем самым сначала прояснив, есть ли у нас с чем друг друга поздравить.

Именно: здесь я не претендую ни на анализ, ни на позитивную программу; я только выскажусь по повестке не дня даже, а часа, как я ее понимаю и чувствую.

1. Дух собрания

Поводов для собрания достаточно, но имеет ли оно смысл теперь или в будущем? — вот о чем мы спрашиваем себя, отправляясь на то или иное собрание. Ничто не обидно человеку, как вязкая тщета мероприятий. Никто не хочет быть *прозаседа-*

шимся по-маяковски, и каждый в глубине души верит в собрание как форму *соборности* и метафору *единства*, как в возможность влияния на сверхличные, но *небезразличные* нам процессы.

Нередко, словом или делом выдавая желательное за действительное, мы следуем интуиции, которая подсказывает нам, что метафизически нет разницы между желательным и действительным. Желательное даже более действительно, чем нежелательная действительность. Это настоящее чудо. И это условие возможности любого развития. Разврата, впрочем, тоже; но ведь это, как сказал Путин, *не наш путь?*

Добрая воля никогда не напрасна. Тем более это относится к филологическому собранию, которое, как и отдельно взятый филолог (к ним я отношу и писателей), должно говорить о желательном и должном, чтобы оно стало действительным.

А почему бы и нет?.. Мы не знаем всех последствий своих поступков, но мы не

* Текст выступления на Круглом столе «Писатель — просветитель», приуроченном ко Дню писателя (Северо-Осетинская республиканская юношеская библиотека им. Гайто Газданова, 11 марта 2015 г.).

знаем и всех последствий своих выступлений на круглых столах (а прежде того — и мыслей). «Нам не дано предугадать, — говорит Федор Тютчев, — как наше слово отзовется». Каждое слово может запустить цепную реакцию на многие столетия: вот *филологическая ответственность*, необходимая к осознанию.

Недавно я слышал, как секундант кричал своему подопечному во время боя в стиле ММА: «Давай-давай, просовывай ручку ему под шею!» Как будто эта ручища станет тоньше, если ее назвать ручкой и, таким образом, ее легче будет «просунуть», куда надо. А почему бы и нет?..

Если уже мастера рукопашного боя решают проблему *филологически*, то, естественно, это должны делать и филологи. Любое слово может стать последним и решающим в битве добра и зла. «...И нам сочувствие дается, — говорит Тютчев, — как нам дается благодать».

Словесное творчество — *молитва*, *заклинание* и *ворожба*.

2. Человек, который пишет

Следуя логике, я бы прежде всего и на всякий случай прояснил, что такое писатель. Это человек, который пишет. В идеальном или близком такому обществу писатель только писал бы, а не говорил (тем более на собраниях и публично: обращаю это к тем, кто самонадеянно считает меня писателем). В этом его общественно-историческая функция. Когда Сергея Хугаева (он, несомненно, писатель) просят о чем-либо рассказать, он отвечает полушутя: «Я не сказитель». Тем самым он, конечно, вовсе не ставит писателя выше сказителя, — а просто не хочет делать работу, которая у него получается не так хорошо, как ему хотелось бы.

Для меня философия этого большого вопроса сводится к принципу разделения труда. В идеальном или близком к такому обществу необходимы земледелец, кузнец, воин, учитель, врач, ученый, писатель... достаточно, при условии, если все они будут хорошо делать свою работу. Вон, стало быть, сколько лишних профессий на земле (и, соответственно, лишних наук, как заме-

чал Лев Толстой — см.: [1]). Лишние профессии (и рабочие места) чаще возникают там, где человек плохо работает, а не там, где хорошо.

Если мы согласны в том, что писательство к ним не относится, тогда, стало быть, писателя надо беречь и любить. Не потому, что он хороший (это не гарантировано), а для того, чтобы он стал хорошим, ибо только чистая, деятельная и взыскательная любовь может вырастить и хорошего человека, и хорошего писателя.

Хорошо; зачем же писатель пишет? «Для того чтобы приобрести, — говорит Л. Н. Толстой, — кто денег, кто славы, а кто и то и другое; некоторые же говорят, что для того, чтобы учить добродетели людей» [2, 21]. Надеюсь, мы все одинаково верно понимаем этот сарказм: ни первое, ни второе, ни третье не относится к хорошему писателю. Очевидно, хороший писатель тот, кто не пишет ни для денег, ни для славы, ни для совершенствования человечества, — и при этом — смотрите — он все-таки пишет.

Если бы за писательство расстреливали, — то и тогда бы писатели не перевелись (история знает примеры). Значит, писательство, как минимум, относится к абсолютно неизбежным издержкам исторического процесса. С его существованием надо мириться как с объективной стихией, изучать, упорядочивать, оптимизировать и, по возможности, извлекать из него пользу.

Как из ветра, реки и солнца.

3. Литературная критика и политкорректность

Что этому мешает? Инфраструктура литературного процесса у нас хорошая: есть издательства, типографии, книги, библиотеки, книжные магазины, журналы, газеты, мероприятия; школа, филфак, Союз писателей; есть, в конце концов, ВНИЦ РАН (мы тоже издаем книги и журналы; настоятельно рекомендую и приглашаю к сотрудничеству).

Прежде всего *чистота* литературного эфира оставляет желать лучшего. Много случайного, бесполезного, а то и вредного. Коста писал «не для того, чтобы печататься», и писал только то, что бывал «не в си-

лах... сдержать в своем изболевшем сердце» [3, 191], а сегодня много *праздной* литературы. Естественно, это вносит в формулу литературного процесса нежелательные коэффициенты, засоряет литературный эфир не относящимися к делу и процессу фонами, снижает положительный общественно-исторический эффект серьезной литературы и престиж звания писателя и литератора.

При этом на дверях искусства и литературы написано, как и должно быть, «Добро пожаловать», а не «Посторонним вход воспрещен» или «Во дворе злая собака — литературный критик».

Зачем нужна критика? — затем что нельзя дважды войти в одну *реку*, и потому кто-то все время должен стоять в холодной воде. Желательно босым. Критик должен знать температуру и силу течения, а также клевые места. Он должен говорить, что хорошо для реки и что плохо.

Наш литературный процесс — немного *кафкианский* «Процесс». Случаются странные пассажи. Иногда мы сами воздерживаемся, иногда нас «воздерживают» от публикации того или иного литературно-критического (или публицистического) материала, — именно из опасения кого-нибудь задеть. При этом мы оправдываемся толерантными само-увещеваниями. Разве такое уважение к чувствам ближнего на пользу литературному процессу и литературе? В результате у нас остались, по сути, два критических жанра: рецензия и поздравительный адрес. У нас не только о покойных, но и о живых — «или хорошо, или ничего». Чаще, впрочем, последнее.

Политкорректность сделалась бичом нашей литературной критики. Но ведь когда мы боимся друг друга обидеть — мы тем самым *уже* обижаем друг друга, ибо подозреваем друг друга в малодушной обидчивости.

Опыт показал, что политкорректность — это корректное (эвфемистическое) *лицемерие*.

Как литература нужна обществу, так критика нужна литературе.

Критика — это форма *любви* к писателю.

4. Польза красоты

Сегодня актуализировались многие вечные дилеммы творчества: между красотой и пользой, содержанием и формой, «поэтом» и «гражданином». Точнее сказать, это все разные формулировки для одной большой дилеммы.

Сегодня снова открылось, что для литературы и искусства нет ничего важнее правильного понимания пользы, содержания и гражданства (патриотизма). Что только на почве гражданства может прорасти настоящая поэзия, что писателя нет вне национальности. Что патриотизм — это, вопреки либеральному предрассудку, не «прибежище негодяя», а *крепость свободы*. Что художник находит форму, ища *содержание*, а не форму. Что писатель становится полезен, когда заботится о *красоте*, а не о пользе.

Потому что *польза красоты* есть (ибо она «спасет мир»), а *красоты пользы* нет. Красота пользы: это что-то мелкобуржуазное.

Писатель, думающий о пользе, бесполезен.

Польза красоты — очень тонкая, неочевидная польза. Она явна только для тех, у кого есть для нее глаза, но *явлена* она для всех: и зрячих, и слепых.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что все революции начинались с литературы. Стало быть, писатель — *серый кардинал* истории (серый: вот почему про него думали раньше и теперь многие думают, что он тунец, и его нужно лишить и гонора, и гонорара). Слепцы его не замечают, зато он их хорошо видит. Если вы не занимаетесь литературой — литература занимается вами. Всемирная история — это война литератур и писателей.

Польза красоты в том, что чем больше в жизни красоты, тем меньше в ней безобразия. Как минимум, литературный текст — лучшая метафора и образец *порядка* и гармонии. Единожды созданный текст раз и навсегда расширяет границы мира, отодвигая хаос и мрак.

Даже тот, кто не читает книг, опосредованно получает свою порцию *безвозмездно*

го добра и света, — хотя бы через учителей и родителей (если эти последние сами читали, конечно). Культура, создаваемая в том числе писателями, — это воздух, которым бессознательно дышит душа. Это — *объективная, стихийная польза красоты*.

Чувственное, лично-сокровенное, пластическое представление о добре и правде, судьбе человека, народа и человечества, идеал: вот что необходимо человеку, как кислород. Без *такого* представления и освоения бытия и быта общественное сознание перестает быть *адекватным и необходимо чувствительным* и внимательным к бытию, быту и другому человеку.

Культурный уровень человека и общества — единственный абсолютный (научный и достоверный) критерий *эффективности* писателя и литературы.

Правда, надо иметь в виду, что полезный эффект красоты не «моментален». «Красота, — сказал бы финансист — это *длинные деньги*». Этот эффект отстает от текущего момента на года, а то и десятилетия. В точном соответствии с тем, что на чтение нужно время, а иногда и терпение (это лекарство горькое).

Если уже от читателя требуется, чтобы он был терпелив и смирен, то каков должен быть писатель?

5. Феномен просветительства

Просвещение и просветительство — главная историческая миссия писателя и литературы. Литература возникла в эпоху просвещения и как *орудие просвещения*. Просвещения, а не досуга и разврата (которому тоже со временем обучается). Так начиналась и наша, осетинская литература. Коста Хетагуров, Сека Гадиев, Афанасий Гассиев были просветителями в строгом смысле слова.

Современные писатели не являются просветителями в академическом значении, ибо эпоха просвещения закончена. Но выполнена ли *программа* просвещения?.. К сожалению, мы больше преуспели в ликбезе. Вместо просвещения, интеллигенции и образования у нас все чаще — *«просвещение»* (Д. И. Чижевский [4]), *«интеллигентство»* (Л. В. Пумпянский [5]) и *«брав-*

зованицина» (А. И. Солженицын [6]). Узнав буквы, человек перестал читать добротную литературу. Тем не менее, писатель должен продолжать работать. И он так и делает.

Сегодня мы часто жалуемся на жизнь. Даже странно, что жизнь продолжается. Писатель должен писать читают его или нет. *Родник* бьет из-под камней, пьют из него или нет; даже мертвые планеты поливает Солнце своим драгоценным теплом и светом. Вот оно — просветительство.

Осетинский писатель — вот подвижник и просветитель. Нафи Джусойты и Камал Ходов, Гастан Агнаев и Музафер Дзасохов, Ахсар Кодзати и Сергей Хугаев, — и другие наши старшие коллеги, которые своим творчеством поддерживают искру жизни в языке, дышащем на ладан. Честь вам и хвала и глубокий и смиренный поклон. Если язык выживет — благодаря вам. Да будет так.

Но и все люди — просветители, если они несут добро. Просветительство — прямое продолжение дела *Того*, кто первый сказал: «Да будет свет!» — и зажег Солнце.

«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...» [7, 83]

«Пусть всегда будет Солнце!..»

6. Феномен обскурантизма и буржуазность литературы

Что противоположно просвещению и просветительству? — *мракобесие* и *обскурантизм*. Они сами себя выдают: «Фашизм, — говорит Васо Абаев, — везде, где он приходит к власти, разрушает гуманитарную науку» [8].

Кто против гуманитариев — тот против гуманизма. Лично я — «ощущаю — страшную! — ответственность за Гомера» [9, 114].

Впрочем, Васо Абаев высказал максимум (и я вслед за ним): не обязательно быть фашистом, чтобы разрушать гуманитарную науку. У нас в Осетии фашистов нет, но нельзя сказать, что наша гуманитарная наука процветает. Потому, опять-таки, что часто мы толерантны и лояльны друг к другу, а не к совести, науке и Отечеству, тем, что соблазняемся формой, а не содержанием, и красотой пользы, а не пользой красоты. Гранты тоже способны стать нашим бичом.

Говорю это с полной ответственностью, как один из грантодержателей.

С чего начинается обскурантизм? С *бульварности* и *буржуазности*. С потребительского отношения к литературе вместо просветительского. Оказывается, Ленин и его предшественники, великие русские демократы, были правы: зависимость от *денежного мешка* [10] очень вероятна; человек (даже целый народ) может попасть в самую тяжкую кабалу, и при этом быть уверенным, что он — свободный художник и гуманист.

Фашиствующей олигархии в Украине не нужна литература как *искусная правда* (например, гоголевский «Тарас Бульба», где вся современная геополитика отражена в микрокосме одного семейства), им нужна бухгалтерия. И *искусная ложь*. Впрочем, им подходит и безыскусная.

Насильственная глобализация закономерно привела к глобальному расколу в человечестве. Человечество разошлось по принципиальному вопросу *человечности*, именно по-маяковски ребром поставленному вопросу — «что такое хорошо и что такое плохо».

«Слушайте, мы сначала пустим смуту, — говорит один Достоевский «бес» другому, — (...) мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые режут и жгут, да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу (...), уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!» [11, 405]

Это уже не просто идейная борьба, не «информационная», «психологическая» или «гибридная»: это *последний, решающий*

бой с антигуманизмом. Это момент истины, и его надо понимать не только исторически, но и мистически.

Патрик Бьюкенен, американский политический комментатор, публицист и писатель, цитирует Президента Российской Федерации: ««Мы видим, — говорил В.В. Путин в последнем послании Федеральному собранию, — как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в сатану». Так что происходит? — спрашивает честный американец и здесь же дает ответ: — А происходит новая война религий, и Россия выступает в ней на стороне Бога, а Запад — на стороне Гоморры» [12].

«Пред судом Божиим, — учил преподаватель Амвросий, — имеют значение не характеры, а направление воли...», «сила к добру» [13]. Куда направлено копье твоей воли? — в пасть ли дракона? В сердце ли ангела?

Может ли писатель оставаться в стороне от этого вопроса? Нет. Просветительство и писательство — это борьба за правду.

Захар Прилепин говорит: «Сейчас исторические процессы обнажены настолько, что напоминают открытый перелом — когда можно разглядеть все косточки, вены, сухожилия». И при этом — «...У нас огромное количество литераторов, в том числе патристического толка, которые поддерживают события в Донбассе, но при этом молчат, как воды в рот набрали. Многих из них я знаю лично, они хорошие ребята, но выбрали для себя позицию «лучше промолчать». Почему? Может, опасаются каких-то неприятностей, а может, просто морально не готовы». Но лично я не вижу никаких причин молчать...» [14] Захар, возможно, перегнул палку: все не обязаны быть пу-

блицистами. Но опосредованно выразить свою позицию писатель должен. Или Захар считает, что молчание *вполне* выражает позицию?.. Тогда я не найду, чем ответить.

Больше никто не имеет права быть только «нянькой своей души» [15, 371].

7. Национальный вопрос в литературе

Некоторые из наших коллег пишут почти всерьез, что *англосаксы* — вампиры, пришельцы и злые гномы. Как, в таком случае, мы могли бы понимать и восхищаться Шекспиром и Байроном, Марком Твенном и Лондоном? Шамиль Джикаев говорил, что осетины понимают Шекспира почти так же хорошо, как Коста (благодаря Грису Плиеву, конечно).

Нет: они наши, земляне; все земляне — *земляки*; они такие же, как мы; просто искусились не тем. И не в том искусстве преуспели.

Фазиль Искандер сказал: «Мы живем в век кризиса мировой совести» [16, 23]. Почему кризис? Что это значит? Искусство — от *искуса*; значит, те, которые *искушают* человечество злом, ложью и безобразием, победили тех, кто искушает красотой, добром и правдой. Значит, силы тьмы побеждают. Значит, наши сердца мало вырабатывают тепла и света.

Мы проигрываем не информационную войну (когда можно все объяснить естественной *сравнительной* активностью зла), а *священную*.

Поэтому и «в наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг» (В. Маяковский). Кто вступится за правду. Кто выскажется за «милость к падшим». Кто защитит подлинных святых — *исвои*, и чужие. Ибо тот, у кого есть *свои* святые, не должен оскорбить чужих, как бы ни был сам оскорблен. Вот как я понимаю русский мир и осетинский мир.

Без чувства родины нет ощущения мирового гражданства. Без национальности нет человечности. «Чтобы стать представителем человечества — надо быть лучшим представителем своего народа» [17, 550] (ибо народ — малое, первичное человечество); а чтобы стать *предателем* челове-

ства, достаточно изменить своему народу, стать худшим представителем своего народа.

Кто нынешние глобальные обскуранты? — *национал-предатели*.

Хайдеггер предполагает: «...может быть, любое настоящее творение коренится в почве своей родной земли?» [18] Вы правы, господин Хайдеггер; а они говорят: «прибежище негодяя». Наш Нафи утверждает без всяких сомнений и предположений, что важнее всего помнить человеку простые песни родной земли: «...Забудешь — душа онемееет: захочешь петь... и... не сумеешь; захочешь за правду постоять, но не отличишь ее от кривды; захочешь сделать людям добро, но не найдешь в душе мужества свершить» [19, 396]. Вероятно, это очень важно и для наших современников и соплеменников, пишущих *на русском языке*. Примером пусть послужит им творчество Хаджи-Мурата Мугуева, Езетхан Уруймаговой, Георгия Черчесова, Руслана Тотрова, Георгия Тедеева, Ирины Гурджибековой...

Многие из нынешних обскурантов по иронии судьбы и языка называются *иллюминатами*. Кто победит — обскуранты и просвещенцы (беспольные пост-гуманисты, вообразившие себя сверхчеловеками), или просветители, действительные *воины света*?

Русский мир стал форпостом человечества. Об этом пророчествовали русские писатели, Достоевский и другие. Русский мир, за который погибают в Донбассе — он же и осетинский мир (это тоже земля наших предков — и мифических, и реальных). Не зря там были наши ребята.

Писателя нет вне национальности, но его нет и вне *интернационализма*. Если мы победим, всем будем хорошо.

8. Кардиналы и цари

Власть должен удерживать не Путин, а *правда*. А правда вырабатывается в недрах народа и, в значительной степени, на уровне литературного процесса.

Выше я сказал, что фашисты гонят гуманитариев. Это верно, но можно сказать, что гуманитарии *сами* виноваты. Это их

забота, чтобы правда крепко держала скипетр. Это главный вопрос национальной безопасности.

Где гуманитарии не дорабатывают, или где им не дают работать — начинаются гуманитарные катастрофы. Не зря отсутствие хлеба насущного называется *гуманитарной* катастрофой. Так связаны естественное и сверхъестественное, хлеб насущный и хлеб *сверхсущный*. Нам просто жизненно необходима *гуманитарная революция*.

Моему слуху созвучны *искус* и *Иисус*, *искусство* и *иисусство*. *Свет* и *свят*. *Просветитель* и *святитель*. Настоящее писательство — *белая магия*: только добрый волшебник хитрит и колдует ради *всеобщей* пользы.

Недавно мне, как филологу, отрадно было услышать из уст математика, заведующего отделом Института прикладной математики РАН, доктора наук Георгия Малинецкого: «...шансы избежать глобальной войны зависят от того, насколько нам удастся подтянуть уровень *гуманитарной* (курсив мой. — И. Х.) составляющей нашей культуры до современных технологических и технических возможностей. Принимая важнейшие решения, (...) лидеры стран должны слушать не только технарей-естественников, которые знают, как решить проблему, но и гуманитариев, которые знают, *что* надо делать». «Значит, нужно назначить вершителями истории этих самых гуманитариев, а экономистов и политиков задвинуть куда подальше?» — спросил в этом месте интервьюер [20].

Я бы ответил: нет, не нужно; он хоть

и просветитель, а света боится. Хорошего писателя мне всегда хочется подозревать в том, что он любит тень, что Гагарину он всегда готов подставить плечо [21, 48], но сам предпочитает пеклу популярности прохладу одиночества и даже видимого забвения.

Однако против *истинной* и *заслуженной* славы не стал бы возражать ни один Диоген, сидящий в бочке, ни один Павел Фивейский, скрывающийся в пустыне, ни один Чернышевский, заточенный в темнице...

Есть кардиналы, а есть и цари. В год литературы умер Распутин, деревенский царь русской прозы. И ему были оказаны царские почести в Храме Христа Спасителя. Эти похороны были торжеством справедливости. Почему живые не знают справедливости?

Резюме

Труд и творчество — это еще не рай, но уже и не ад.

Чистилище.

Я говорил выше об идеальном обществе. Но теоретически можно представить себе и настолько идеальное общество, где писателя уже не надо. Потому что писатель достигнет своей цели. Конечная *цель* искусства — сделать искусство излишним. Конечное *желание* писателя и художника абсолютно *бескорыстно* — увидеть абсолютно счастливого и прекрасного человека.

Впрочем, писатель и тогда не перестанет писать. Он будет писать *рай с натуры*, как раньше он писал ад и чистилище.

Поздравляю вас.

1. Толстой Л. Н. О науке // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. М., 1989. С. 457-470.
2. Толстой Л. Н. Для чего пишут люди // Толстой Л. Н. Что такое искусство? М., 1985.
3. Хетагуров К. Л. Письмо к Г. Баеву от 19 июля 1899 года // Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч.: в 5 т. Владикавказ, год??? Т. 5.
4. Тоичкина А. В. Концепция просвещения в работах Д. И. Чижевского о Достоевском // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. № 3. Т. 12. С. 199-207.
5. Васильева М. А. Проблема двойника в работах пражского Семинария по изучению Достоевского: Открытое пространство. [Электронный ресурс] URL: http://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/05-Vasileva.php#_ednref32 (дата обращения: 20.02.15).
6. Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28-46.
7. Бальмонт К. Д. «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...» // Бальмонт К. Д. Стихотворения. М., 1990.
8. Абаев В. И. Трагедия Южной Осетии. Беспредел геноцида. URL: <http://sojcc.ru/res/93.html> (дата обращения: 02.03.15).
9. Саввиных М. О. Сафьяновый блокнот. Красноярск, 2011.
10. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 12. С. 99-105.
11. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 12 т. М., 1982.
12. Бьюкенен П. На чьей стороне Бог? [Электронный ресурс] URL: <http://vz.ru/opinion/s/2014/4/4/680518.html> (дата обращения: 01.03.15).
13. Оптинские старцы и их изречения. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/65144.htm> (дата обращения: 26.02.15).
14. Захар Прилепин. Не вижу причин молчать, когда происходит массовое убийство (беседу вел С. Грачев). [Электронный ресурс] URL: http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/1479575?google_editors_picks=true (дата обращения: 02. 03.15).
15. Горький М. Письмо Т. С. Ахумяну // Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1949-1955. Т. 29.
16. Искандер Ф. Совесть — разум души // Мир Кавказа на рубеже столетий: Материалы первого заседания постоянно действующего «круглого стола» по проблемам Кавказа и роли культуры в преодолении кризиса. М., 2001.
17. Абаев В. И. Осетинский народный поэт Коста Хетагуров // Абаев В. И. Избранные труды: Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
18. Хайдеггер М. Отрешенность. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 01.03.15).
19. Джусойты Н. Г. Песнь в два голоса // Джусойты Н. Г. Реки вспять не текут. М., 1981.
20. Георгий Малинецкий: Третья мировая война может стать высокотехнологичной. [Электронный ресурс] URL: <http://www.3world-war.ru/ekonomika/276-georgij-malineckij-tretja-mirovaja-vojna-mozhet.html> (дата обращения 01.03.15).
21. Легасов В. А. Из Сегодня — в Завтра: мысли вслух. Чернобыль и безопасность М., 1996.